

УДК 811.161.1'373.211.1

Реализация персонажного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья

Васильева Т.Ю.

*Учреждение образования «Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова», Витебск*

В центре нового направления гуманитарных исследований – лингвокультурологии находится круг проблем, касающихся взаимодействия языка и культуры. В рамках семиотического подхода культура интерпретируется как единство основополагающих кодов, одним из способов языкового воплощения которых являются названия населенных пунктов как фрагмент языковой картины мира.

В статье изучаются особенности реализации персонажного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья. Анализ фактического материала исследования позволил установить, что персонажный код культуры объективируется в ойконимии исследуемого региона при помощи антропонимных ойконимов, которые можно разделить на три группы: 1) ойконимы, сформированные на базе древних славянских имен; 2) ойконимы, сформированные на базе канонических православных и католических имен; 3) названия-посвящения. Изучение выделенных групп ойконимных единиц показало, что наряду с персонажным кодом культуры в антропонимных ойконимах реализуются предметный, растительный, животный, антропоморфный, гастрономический, метеорологический, вещественный, числовой, операционный и духовный коды.

Ключевые слова: ойконим, ойконимия, культурный код, персонажный код культуры, апеллатив, антропоним.

(Ученые записки. – 2012. – Том 13. – С. 216–226)

Implementation of character's code of culture in oiconymy of Belarusian Poozerye

Vasileva T.Y.

*Educational establishment "Vitebsk State University
named after P.M. Masherov", Vitebsk*

In the center of a new direction of studies in the humanities – cultural linguistics is a range of problems concerning the interaction of language and culture. In the framework of the semiotic approach culture is interpreted as the unity of the fundamental codes, one of the ways of linguistic realization of which are the names of settlements as a language picture of the world.

In the article we study the implementation of character's code of culture in oiconymy of Belarusian Poozerye. The analysis of the factual material research has allowed to establish, that character's cultural code is objectified in the oiconymy of the investigated region with the help of anthroponym oiconyms, which can be divided into three groups: 1) oiconyms, formed on the basis of the ancient Slavic names; 2) oiconyms, formed on the basis of the canonical Orthodox and Catholic names; 3) names of initiation. The study of the selected groups of units has shown that alongside with character's code of culture in anthroponyms oiconyms a substantive, vegetative, animate, anthropomorphic, gastronomic, meteorological, material, number, operating and spiritual codes are implemented.

Key words: oiconym, oiconymy, cultural code, character's code of culture, appellative, anthroponym.

(Scientific notes. – 2012. – Vol. 13. – P. 216–226)

Адрес для корреспонденции: e-mail: 1 mandrik_vitebsk@mail.ru – Т.Ю. Васильева

В 90-е годы XX века оформилось новое направление гуманитарных исследований, находящееся на стыке языкознания и культурологии – лингвокультурология. В центре этого научного направления находится круг проблем, касающихся взаимодействия языка и культуры. Одним из базовых понятий лингвокультурологии является понятие культуры, в понимании и определении которого в настоящее время выделяется довольно много подходов.

В рамках семиотического (знакового) подхода к пониманию культуры предпринимаются попытки интерпретировать культуру как некое единство основополагающих кодов. Одним из интересных вариантов таких попыток являются работы М. Фуко, который пытается обнаружить «основополагающие коды любовью культуры» [1, с. 129].

В.В. Красных определяет код культуры как «сетку», которую «культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [2, с. 232]. Коды культуры как феномен универсальны по своей природе, однако их проявления в определенной культуре всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой. Автор выделяет следующие базовые культурные коды, которые соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры: 1) соматический (телесный), связанный с символическими функциями частей тела человека; 2) пространственный, связанный с членением пространства; 3) временной, фиксирующий членение временной оси; 4) предметный, связанный с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру; 5) биоморфный, связанный с живыми существами, населяющими окружающий мир; 6) духовный, включающий нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры («добро–зло», «хорошо–плохо», «плюс–минус», «верх–низ»).

Как отмечает исследователь, между кодами культуры нет и не может быть жестких границ: соматический код во

многом предопределяет пространственный, последний в значительной степени обуславливает временной, так как пространство и время тесно связаны в сознании человека; предметный код обуславливает тесную связь с духовным кодом через социальные отношения [2].

Авторы «Белорусской мифологии» выделяют 15 кодов, свойственных традиционной культуре.

1. Персонажный код, включающий богов, святых, легендарные или мифологизированные исторические личности, персонажи песен и легенд, людей согласно их социальному (семейному, профессиональному и т.д.) статусу.

2. Космографический код, описывающий крупномасштабную структуру космоса.

3. Ландшафтно-топографический, включающий святые места, горы, реки, озера, болота, населенные пункты и т.д.

4. Календарно-хронологический код, связанный с семантизацией моментов или отрезков времени.

5. Астрономический код (Солнце, Луна, звезды, созвездия, кометы).

6. Метеорологический код (ветер, дождь, снег, вихрь и т.д.).

7. Антропоморфный код, связанный с семантизацией частей тела человека.

8. Животный код, включающий териологический, орнитологический, ихтиологический, энтомологический подкоды.

9. Растительный код.

10. Вещественно-элементный код (вода, земля, воздух, огонь).

11. Предметный код, включающий такие подкоды, как орудия труда, одежда, посуда, предметы быта.

12. Гастрономический код.

13. Числовой код.

14. Операционный код, связанный с семантизацией тех или иных трудовых или ритуальных действий.

15. Атрибутивный код, описывающий признаки, свойства и качества. Создатели данного энциклопедического словаря отмечают способность некоторых элементов входить в состав сразу нескольких кодов. Так, *земля*, как отмечают авторы,

является элементом космографического и вещественно-элементного кодов [3].

Анализируя внутригородские названия славянских стран, А.М. Мезенко выделяет 8 культурных кодов, реализующихся в урбанонимии: 1) топоморфный; 2) антропоморфный; 3) физико-географический; 4) флористический; 5) фаунистический; 6) эмоционально-характерологический; 7) цветовой; 8) темпоральный [4].

Рассматривая понятие культурного кода, С.М. Толстая выделяет субстанциональные (акциональный, персонажный, локативный, реальный (предметный), вербальный, музыкальный, изобразительный) коды, которые определяются на основании субстанциональной общности их элементов, и концептуальные (растительный, зоологический, свадебный и др.) коды культуры, «субстанцией» которых «следует считать некоторые ментальные сущности, единицы смысла (концепты, идеи, мотивы), которые соотносятся с разными материальными воплощениями этого смысла» [5]. Как отмечает исследователь, концептуальные коды имеют системный характер (система мотивирующих единиц целиком переносится на другую область действительности) и обладают свойством вторичности (элементы кода, имеющие свое определенное значение, вторично используются в коде для обозначения других объектов). Так, антропонимы, являющиеся элементами персонажного кода культуры, используются для наименования населенных пунктов и становятся выразителями соответствующего культурного кода в ойконимии.

Цель нашей работы – изучение особенностей и реализации персонажного кода культуры в ойконимии Белорусского Поозерья.

Материал и методы. Материалом исследования послужили названия населенных пунктов Белорусского Поозерья, представленные в нормативном справочнике «Назвы населенных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць». При анализе и статистической обработке материала были использованы

описательный и сопоставительный методы, а также элементы статистического метода.

Результаты и их обсуждение. Персональный код объективируется в ойконимии Белорусского Поозерья при помощи отантропонимных ойконимов, составляющих около 44% от всех наименований населенных пунктов региона. Как показывает анализ языкового материала, данные названия можно разделить на три группы: 1) ойконимы, сформированные на базе древних славянских имен; 2) ойконимы, сформированные на базе православных и католических имен; 3) названия-посвящения.

В соответствии с мнением Н.В. Бирилло, до принятия христианства славяне использовали два типа имен, образованных на базе славянской лексики: двусоставные имена типа *Володимер, Всеволод, Ярослав, Станислав* и односоставные имена, образованные от апеллятивной лексики типа *Волк, Горноста́й, Жук* [6,

с. 3]. В соответствии с указанным фактом группу ойконимов, сформированных на базе древних славянских имен, можно разделить на две подгруппы: а) наименования от двусоставных славянских имен; б) наименования от односоставных славянских имен.

Названия населенных пунктов, сформированные на базе полных или сокращенных форм древних славянских двусоставных имен, насчитывают 34 ойконима. В основе названий *Будислово, Добромысли (2), Домжеричи, Голомысло, Светогорова* зафиксированы полные формы древних славянских двусоставных имен *Будислав, Добромысл, Доможир, Голомысл, Святогор*. Большая часть ойконимов (29 единиц) сформировалась на базе сокращенных форм, так как в повседневном употреблении сложные имена, как правило, сокращались и давали большое количество форм. Так, древнее славянское двусоставное имя *Путислав* имело формы *Путилко, Путько, Путьята*, которые закрепились в названиях населенных пунктов

Путилковичи, Путьково, Путятино, Путятишки. Антропонимы *Будила* и *Будько*, являющиеся сокращенными формами двусоставных славянских имен *Будислав, Будогост, Будовест*, зафиксированы в основах ойконимов *Будилово* (2), *Будиловка, Будилы, Будьки, Будьковщина.* Названия населенных пунктов *Богушевичи, Богушевск, Богушово* сформировались на базе имени *Богуш* – сокращенного варианта древнего славянского двусоставного имени *Богуслав.* Сокращенные формы славянских имен *Братислав, Велеслав, Гостимир, Гостомысл* выявлены в основах ойконимных единиц *Браслав, Велевщина, Госмирово, Гостыничи.* Шесть названий населенных пунктов региона (*Войневка, Войтехи* (2), *Войтково, Войтовичи, Войтово* (2), *Войты*) сформированы на базе имен *Война, Войтех, Войт*, являющихся вариантами древнего двусоставного имени *Воислав.* Имя *Рац* (сокращенная форма двусоставных имен *Ратибор, Ратислав*) и его производные выявлены в основах ойконимов *Ратьки, Ратьково, Рацево, Ратюнки, Ратюны.* К данной подгруппе названий населенных пунктов отнесены ойконимы *Ярканцы, Ярошки,* мотивированные сокращенными формами древнего славянского двусоставного имени *Ярослав*, которое внесено в православный месяцеслов по благословию Святейшего Патриарха Алексия II 8 декабря 2005 года. Ойконимные единицы, восходящие в основе к древним славянским именам *Богдан, Борис, Владимир, Глеб*, отнесены к группе ойконимов, сформированных на базе православных и католических имен, так как указанные имена были приняты православной и католической церквями и зафиксированы в святцах благодаря подвигам, совершенным славянами для христианства.

Ойконимы, мотивированные славянскими двусоставными именами, связаны с мифологическими представлениями древнего человека, воспринимавшего

свое имя как «второе я» и верившего в возможность передать человеку через имя те качества и свойства, которые выражены в его значении: *Богуслав* «тот, кто славит Бога», *Владимир* «тот, кто владеет миром», *Владислав* «тот, кто владеет славой» и др.

Рассматривая названия населенных пунктов, сформированные на базе древних славянских двусоставных имен, В.П. Лемтюгова отмечает, что основой ойконимов могли послужить как древние славянские имена и их формы, так и фамилии, образованные от этих имен [7].

Подгруппа ойконимов, мотивированных славянскими отапельлятивными именами, насчитывает 1463 единицы. Данные названия населенных пунктов сформировались на базе древних славянских отапельлятивных имен и прозвищ и производных от них фамилий.

Исследуя фамилии жителей Витебщины, мотивированные древними славянскими именами и прозвищами, образованными от апеллятивной лексики, Г.К. Семенькова выделяет две группы антропонимов: 1) фамилии, образованные от *nomina personalia* (имен и прозвищ, характеризующих человека по какому-либо признаку или виду деятельности);

2) фамилии, образованные от *nomina impersonalia* (имен, восходящих к апеллятивам, называющим предметы, явления, вещества, понятия). В составе этих групп исследователь фиксирует 6 и 10 лексико-семантических разрядов соответственно [8]. Выделенные лексико-семантические разряды антропонимов нашли отражение в названиях населенных пунктов, сформированных на базе древних славянских отапельлятивных имен и прозвищ. В соответствии с указанным фактом в данной подгруппе ойконимов можно выделить названия, сформированные на базе *nomina personalia*, и названия, сформированные на базе *nomina impersonalia*.

Названия населенных пунктов, сформированные на базе *nomina personalia*, соотносятся с апеллятивами, которые:

а) характеризуют человека в физиче-

ском (*Беляи – беляй* «человек с белыми или седыми волосами» [7]; *Горбачево; Грибачи – грибач* рег. «губатый, губач» [9]; *Кривелёво – кривель* рег. «кривой» [9]; *Косов; Левши; Малютино – малюта* рег. «ребенок», рус., укр. «малыш, маленький, низкорослый человек» [9]; *Пыжи – пыж* рег. «низкорослый человек, карапуз» [9]; *Рослые; Рыжевщина* и др.) и психическом (*Баево – бай* бел. «говорун, пустомеля», рус. «говорун, повествователь» [9]; *Бабичи – бабич* пренебр. «бабник», «гермафродит» [8]; *Воропаево – бел. рег. воропай* «бестолковый человек» [7]; *Ворохобки – рус. ворохоба* «легкомысленный человек» [9]; *Завидичи – рус. завидя* «зависть», «завистливый человек» [9]; *Лындино – лында* рег. «тот, кто любит ходить без работы», рус. «лентяй» [9]; *Плаксъ; Прокуды – бел. прокуда* «бедокур, баловень», рег. «проныра», рус. смол. «злодей» [9]; *Свистуны; Хондоги – хондога* др.-бел. и рег. «тот, кто любит чистоту, опрятный человек» [9] и др.) планах;

б) указывают на занятия (*Будники – будники* др.-бел. «феодално-зависимые крестьяне или рабочие по найму, которые работали в будах» [7]; *Бортники; Гуменники; Дегтяри; Мельники; Масленки – др.-рус. масленик* «маслодел» [9]; *Огородники – огородник* др.-бел. «крестьянин, который не имел пахотной земли, а пользовался тремя моргами огорода» [8]; *Пастушки; Рыбаки; Телятники* и др.), профессию (*Бондарево; Гончаровка; Кузнецово; Писарево; Пушкаришки; Столярово; Стрельцово; Ткачи* и др.), социальное положение (*Бояры, Князи, Холлоповщина* и др.);

в) называют людей по этнической и национальной принадлежности (*Видзы, Волохи, Гили, Москалевщина, Немцево, Нурвяны, Латыши, Литвиново, Ляхи, Подоляне, Поляки, Русаки, Русины, Славени, Татары, Угрынки, Цыганы, Черкасы, Шведы* и др.);

г) отражают семейное положение (*Сиротино*) или являются терминами родства (*Братково, Дедино, Стриевщина – стрий* рег. «дядя по отцу» [9]; *Стрынишки – польск. strina* «тетка (сестра отца, жена брата отца)» [9] и др.), а также ука-

зывают на обстоятельства появления человека в семье (*Примачино*);

д) характеризуют обстоятельства появления ребенка в семье (*Позняки – рус. позняк* «родившийся позже других» [10]; *Позняково, Прибытки, Прибытково*) и отношение к нему родителей (*Ждановка, Жданово, Жданы, Хотеничи*);

е) описывают особенности появления человека в населенном пункте (*Бегуны – др.-рус. бегун* «беглец», бел. «беглец, тот, кто убегает откуда-нибудь или от дела» [9]; *Новики – новик* рег. «новый человек в селе», «новый член семьи» [9]; *Новички*).

В названиях, сформированных на базе *nomina personalia*, находят отражение разнообразие социально-экономические явления. Указанные ономастические единицы связаны с информацией о социальной жизни, о хозяйственной деятельности населения, об этнической истории, о взаимоотношениях людей в семье и в населенном пункте.

Анализ языкового материала позволил выявить способность ойконимных единиц, сформированных на базе *nomina impersonalia*, транслировать информацию сразу двух культурных кодов. Так, в ойконимах, мотивированных антропонимами, образованными от апеллятивов, называющих предметы, объективируются как персонажный, так и предметный культурный код, который включает под-

– орудия труда: *Бардаши – бардаш* укр. «большой топор» [9]; *Колотушково – рус. колотушка* «деревянный молот» [10]; *Мётль; Обухово; Секеровщина; Стырики – рус. стырь* «ось, на которой что-либо оборачивается вокруг, веревка, крюк; притыка, затычка, гвоздь в бочке или в чане» [10]; *Топорино; Шилино* и др.;

– одежда, обувь: *Брыли – бел. брыль* «мужская шляпа с широкими полями» [7]; *Калошки; Курты – рус. курта* «куртка» [10]; *Лаптёвка; Шапчино; Шлыки – рус. шлык* «шапка, шапочка, чепец, колпак» [10]; *Шляпино; Шугаёво – рус. шугай* «кофта, телогрейка, сарафан» [10] и др.;

– предметы быта: *Колганово – рус.*

колган «грубой выделки посуда разного вида» [10]; *Коробы; Кочерги; Латково* – рус. *латка* «глиняная сковорода, плошка» [10]; *Мешки; Пуговики; Сковородино; Сумки; Чашки* и др.;

– музыкальные инструменты: *Бубны; Варганы* – рус. *варган* «простонародное музыкальное орудие, зубанка» [10]; *Дудки; Скрипки* и др.;

– оружие и военные атрибуты: *Булавки; Пушки; Щитовка* и др.

В предметном коде культуры находят отражение народные представления белорусов о тесной связи человека и окружающих его предметов (одежды, посуды и т.д.), что объясняется верой в действие законов контактной магии, согласно которым контактировавшие между собой предметы, будучи разделенными, остаются в определенных отношениях. Так, по мнению наших предков, часть человеческой души как энергетическая субстанция могла конденсироваться в близких человеку предметах: в одежде, в посуде, в предметах быта и т.д. Различные манипуляции с данными предметами магическим образом влияли на состояние человека, в связи с чем предметы быта (*кочерга, лапти, сковорода, топор* и др.) выступали как своеобразные медиаторы между человеком и окружающим/подземным миром, своим и чужим, культурой и природой [3].

Персонажный и растительный коды объективируются при помощи ойконимов, соотносительных с названиями растений: *Бураки; Гичи* – рус. *гич* «огородная ботва» [10]; *Капустино; Колосово; Кочаново; Редьки; Репишки; Шипули* – бел. *шипупля* «иголка хвойных деревьев» [9]; *Шишки; Ягодки* и др.

В ойконимах, соотносительных с названиями животного мира, наряду с персонажным объективируется животный код со следующими подкодами:

– терриологическим: *Багриново* – укр. *багрій* «светлобурый вол» [7]; *Бараны; Барсуки; Боброво; Быки; Волки; Горностаи; Ежовка; Зайцево; Зубревичи; Кабаны; Козлы; Козулино; Коты; Кролики; Кротыки; Лисовщина; Лоси; Медведи; Мышки; Овечки; Соболи; Турово; Хомяково; Хоревщина* и др.;

– орнитологическим: *Болундишки* – лит. *baluñdis* «голубь» [9]; *Бухалово* – рус. *бухало* «болотная птица выпь, бык, бугай» [10]; *Веробы; Вороны; Гавраны* – укр. *гавран* «ворон» [9]; *Гоголевка; Голубово; Граково; Гусаки; Дрозды; Дятлы; Журавнёво; Зуи; Коршуны; Круки* – бел. *крук* «ворон» [7]; *Кулики; Курино; Лебедево; Орлово; Петухи; Пугачи; Сачивки; Селезни; Синицы; Скворцово; Слижово; Снегири; Сойчино; Соколы; Соловы; Сороки; Стрижево; Стринадки* – рус. *стринадка* «пташка из рода синичек» [10]; *Сычики; Тетерки; Чижики; Шпаки* и др.;

– ихтиологическим: *Головни* – бел. рег. *головень* «рыба-бычок» [9]; *Жабинка; Окунь; Караси; Линковщина; Раково; Слижово* – бел. рег. *слиж* «рыба голец» [9]; *Сомино; Щуки* и др.;

– энтомологическим: *Бителёво* – лит. *bitèle* «пчелка» [9]; *Бутово* – рус. *бут* «слепень, овод» [10]; *Жуки; Клещино; Комарово; Муравьи; Мушино* и др.

В ономастических единицах, соотносительных с названиями животных и растений, находят отражение тотемистические воззрения древних славян, связанные с представлением о сверхъестественном родстве между определенными группами людей и так называемыми тотемами – видами животных и растений (реже – явлениями природы и неодушевленными предметами). Так, считалось, «чтобы сын жил долго здоровым и сильным, нужно назвать его Волком, так как эти звери самые сильные и выносливые» [11, с. 148]. Названия, связанные с животным и растительным миром, отражают веру наших предков в магическую силу слова и их убежденность в том, что животные и деревья, названия которых взяты в качестве имен, становятся опекунами и защитниками их носителей. Необходимо отметить, что имена по названиям животных могли даваться по сходству с ними: *Бык; Корова* – грузным неповоротливым людям, *Волк; Щука* – хищным и коварным по натуре и т.д.

Персонажный и антропоморфный коды объективируются при помощи ойконимов, мотивированных прозвищами, которые фиксируют анатомические на-

звания: *Бородино; Брюхово; Губино; Грудиново; Зубово; Кулаки; Мезеново; Плейки* – лит. *plėike* «лысына» [8]; *Пузово; Усово; Черепы; Чирино* – рус., бел. рег. *чир* «скула» [9] и др. Необходимо отметить, что в народных представлениях белорусов различные части тела могут выступать эквивалентами человека. Так, *борода* в народной культуре замещает мужчину, *коса* в свадебном обряде – невесту. В антропоморфной картине мира части человеческого тела имеют символические аналогии (*нос* обозначает гору, *голова* символизирует небо и т.д.), поскольку представления о внешнем мире, Вселенной и о пространстве в своих основах оказываются мотивированными представлениями человека о собственном теле.

В ойконимных единицах, соотносительных с названиями продуктов питания, объективируются персонажный и гастрономический коды: *Блины; Борщёвка; Бабахино* – рус. *бабахи* «пышки, оладьи», «гречневые блины, лепешки» [10]; *Боханы* – бел. *бохан* «булка хлеба» [9]; *Калачи; Кашино; Киселево; Крупени* – бел., рус. *крупеня* «крупяной суп» [9]; *Кулага* – рус. рег., укр. *кулага* «блюдо из муки» [9]; *Ломти; Маслино; Сметановщина; Соломахи* – бел. рег. *соломаха* «негустая каша или густой кисель», рус. рег. «тесто из ржаной муки» [9] и др. Наиболее сакрализованным видом еды, символом счастья и достатка в традиционной белорусской культуре является хлеб. В гастрономическом коде культуры хлебу иногда противопоставляется каша, что находит отражение, в частности, в запрете есть кашу с хлебом [3, с. 242]. Каша является одним из главных блюд в начальной (при рождении – «*бабья каша*») и завершающей (на похоронах и поминках – *кутья*) фазах жизненного цикла человека, хлебу же и хлебным изделиям принадлежит главная роль в средних фазах (*каравай* в свадебном обряде). Противопоставленность хлеба (*Блины, Бабахино, Калачи, Боханы* и др.) и каши (*Кашино, Крупени, Кулага, Соломаха* и др.) как главных обрядовых блюд славян находит отражение в топонимии регио-

на.

При помощи ойконимов, соотносительных с названиями явлений природы и временных понятий, эксплицируются как персонажный, так и метеорологический (*Бусово* – рус. *бус* «морось, самый мелкий дождь, мокрый туман, мелкий снежок, крупа» [10]; *Ветрино; Громовки; Морозово; Тепляки* – *тепьяк* рег. «ранний мороз», рус. «теплый ветер» [9] и др.) и временной (*Велички, Веснино, Вечеровщина, Пятницы* и др.) коды.

Персонажный и вещественный коды объективируются при помощи наименований, соотносительных с названиями веществ: *Глинишки; Железки; Коптевичи; Медюки; Смолевщина; Уголевщина; Цынки* – укр. *цына* «олово» [9] и др.

Персонажный и числовой коды репрезентируются с помощью ойконимов, соотносительных с названиями денежных единиц (*Шкиляки* – рус. устар. *шкиль* «иностранный монета, шиллинг» [10]) и единиц измерения (*Кукляны* – рег. *кукла* «мера льна» [9]; *Шкунтики* – *шкунт* рег. «кроха, толика, малое количество» [9]; *Шуховцы* – укр. *шух* «мера дров» [9]).

В ойкониме *Толочин*, мотивированным именем *Толока*, связанным с апеллятивом *толока* (обычай у славянских народов оказывать коллективную помощь в хозяйственных делах), объективируется информация как персонажного, так и операционного кода, связанного с семантизацией тех или иных трудовых или ритуальных действий.

Персонажный и духовный коды объективируются при помощи названий населенных пунктов, соотносительных с абстрактными понятиями (*Бедино; Буторы* – рус. *бутор* «бред», «шум, гам, крик» [10]; *Зыково; Надежино; Обидино; Плищино* – рус. *плищ* «шум, крик» [10]; *Розумово; Стомино; Шумино* и др.) и религиозными терминами (*Бески; Волкулаково; Волосово* (*Волос, Велес* – один из главных богов языческого пантеона восточных славян, бог животноводства и богатства [3]); *Лешево; Трояны* (др.-рус. *Троян* – мифическое существо, языческое божество [7] и др.). Следует отметить, что наименования мифологических существ

могли выступать в качестве собственных имен людей, которым человеческая фантазия приписывала определенные качества таких существ.

Ойконимы, сформированные на базе православных и католических имен, составляют 14% от общего количества названий населенных пунктов Белорусского Поозерья.

Канонические православные и католические имена вошли в язык восточных славян после принятия христианства. Сосуществование на исследуемой территории двух основных ветвей христианства (православия и католицизма) обусловило использование двух канонических систем имен – православной, или византийско-греческой, и католической, или римской. Указанный факт находит отражение в ойконимии региона: традиционные церковные имена, адаптированные на восточнославянской почве полные, разговорно-бытовые имена, их эмоционально-оценочные формы становились базой для формирования фамилий, затем имена или фамилии закреплялись в названиях населенных пунктов.

Анализ фактического материала позволил выявить три подгруппы ойконимов, сформированных на базе православных и католических имен:

1) ойконимы, сформированные на базе антропонимов, отмечаемых только в православных святцах, то есть опосредованно связанные только с православием;

2) ойконимы, сформированные на базе антропонимов, отмечаемых только в католических святцах, то есть опосредованно связанные только с католицизмом;

3) ойконимы, сформированные на базе антропонимов, используемых православной и католической церквями.

Двенадцать названий населенных пунктов сформировано на базе православных имен и их вариантов: *Верк* (*Верки*, *Верковщина*); *Мамант* (*Мамоново*); *Филарет* (*Пилаты*, *Пилатовщина*); *Родион* (*Радковщина*, *Радьки*, *Радюки*, *Роди*, *Родевщина*); *Римма* (*Рымки*); *Вукол* (*Укольск*). Антропонимы, зафиксированные в основе ойконимов, отмечаются только в православных святцах, что

позволяет отнести указанные наименования населенных пунктов к названиям, опосредованно связанным с православием.

Основы ойконимов *Аделино*, *Альбе́новка*, *Альбиновщина*, *Альбрехтово*, *Анибалево*, *Бернатовщина*, *Бернаты*, *Каролино*, *Каролиново*, *Короли* (2), *Королёво* (2), *Королево*, *Королевичи*, *Каралюны*, *Казеки*, *Казюково*, *Казимирово* (5), *Казимерцы*, *Казечки*, *Казечино*, *Людвиново*, *Ольгердово*, *Розалиново*, *Ромальдово*, *Рысевичи*, *Станилевичи*, *Станиславово* (4), *Станулево*, *Станули*, *Станчики*, *Станьки*, *Станюки*, *Стасево*, *Стасенки*, *Стаськово* (2), *Стаховка*, *Стаховские*, *Сташелишки*, *Пронское*, *Флорьяново* соотносятся со следующими именами и их формами: *Аделия*, *Альбин*, *Альбрехт*, *Ганнибал*, *Бернард*, *Карл*, *Казимир*, *Людвин*, *Ольгерд*, *Розалина*, *Ромуальд*, *Ричард*, *Станислав*, *Франц*, *Флориан*, отмечаемыми только в католических святцах, что указывает на опосредованную связь названий с католицизмом.

Названия населенных пунктов, сформированные на базе антропонимов, принятых как православной, так и католической церквями, насчитывают 652 единицы.

В основе отантропонимных ойконимов Белорусского Поозерья зафиксированы варианты 158 личных имен православного и католического календарей.

Анализ ойконимных единиц данной подгруппы позволил выявить в основах 65 названий населенных пунктов антропонимы, восходящие к католическим именам: *Абрам* (*Абрамово*, *Абрамовщина*), *Бартоломей* (*Болтрамеи*, *Бартелишки*, *Бортково*), *Базыль* (*Базылёвка*), *Винцент* (*Винцентово*), *Юзеф* (*Юзефово* (4), *Зюзино*) и др. Очевидно, носителями данных имен были представители католического вероисповедания, что позволяет отнести названия населенных пунктов, сформированные на базе указанных антропонимов, к наименованиям, опосредованно связанным с католицизмом.

587 ойконимов сформировано на базе антропонимов, восходящих к православ-

ным именам: *Авдей* (канон. *Авидий*) (*Авдеевичи, Авдеево, Авдеевки, Авдейково*), *Авлас, Влас* (канон. *Власий*) (*Авласенки, Авласово, Авласы* (2), *Власово*), *Аникей* (канон. *Иоанникий*) (*Аникеевщина*), *Юрий* (канон. *Георгий*) (*Юраны, Юрково* (2), *Юрковщина* (3), *Юровичи* (2), *Юрово, Юрцево, Юрчѣнки, Юрши, Гогово*) и др.

Необходимо отметить, что в ряде случаев, несмотря на наличие отличительных черт, разграничить христианские имена по конфессиональному признаку достаточно сложно. Так, к древнееврейскому имени *Иоанн* восходят русское православное *Иван* и польское католическое *Jan*. Оба антропонима нашли отражение в ойконимии региона. От личного имени *Иван* и его вариантов образовано 10 названий населенных пунктов: *Иваново* (4), *Ивановка* (2), *Ивановщина* (2), *Иванск* и др.; именем *Ян* мотивированы 18 ойконимов: *Яново* (10), *Яновщина* (2), *Янино, Яновичи* и др. Если ойконимы с основой *Иван* можно отнести к названиям, опосредованно связанным с православной верой, то наличие единиц с основой *Ян*, по мнению В.М. Генкина, «заставляет думать и о других (не конфессиональных) факторах активности данного имени». К таким факторам исследователь относит способность имени *Ян* выступать в качестве уменьшительной формы ряда мужских и женских имен (*Аверкий, Ариан, Баян, Северьян, Гордиан, Стоян* и т.д.), а также широкую популярность данного антропонима в народном именнике белорусов» [12].

Православное имя Михаил и его варианты легли в основу 15 ойконимов: *Михайлово* (3), *Михайловщина, Мишутино, Мишутки, Мишуты* и др., что указывает на связь данных названий с православием. Региональные формы *Михал, Михаль* отмечены в основах 8 названий населенных пунктов: *Михали* (5), *Михалиново* (2), *Михалово* (3), *Михалина, Михалинка, Михалполье, Михалишки, Михальцы*. По мнению Н.В. Бирилло, отмеченные региональные формы восходят к польскому католическому имени *Michał* [6], что позволяет отнести назва-

ния с основами *Михал, Михаль* к названиям, связанным с католицизмом.

Разграничение христианских имен по конфессиональному признаку, и, соответственно, классификация производных от них ойконимов возможны лишь с привлечением исторических данных, позволяющих восстановить сведения о конфессиональной принадлежности реального человека, чье имя легло в основу ойконима. На данный факт указывает В.М. Генкин, предлагая привлекать данные о местоположении населенного пункта для классификации отантропонимных наименований. Исследователь указывает на факт концентрации католического населения в основном на северо-западе области, что объясняется этническими и географическими (близость к Прибалтике), а также историческими причинами (с 1660 по 1772 г. указанная территория входила в состав Польши). Однако, по мнению исследователя, «абсолютизировать факт местоположения населенного пункта как главный признак соотношения ойконима с католическим или православным именем категорически нельзя» [12].

Исследование фактического материала выявило опосредованную связь ойконимов, сформированных на базе православных и католических имен, с двумя христианскими конфессиями (православием и католицизмом), что позволяет сделать вывод о способности данных ойконимных единиц объективировать информацию как персонажного, так и духовного кодов.

Названия-посвящения возникли во второй половине XX века в результате переименований, целью которых было увековечить память об общественных и политических деятелях, ученых, героях Отечественной войны 1812 года, Гражданской и Великой Отечественной войн.

Память об одном из организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 года в России В.И. Ленине увековечена, предположительно, в названиях населенных пунктов *Владимировка* (до 1964 г. *Церковище*) и *Ильичёвка* (до 1964 г. *Старобобьлье*) Витебского района Витебской об-

ласти.

В 1964 г. в честь общественных и политических деятелей А.В. Луначарского и Я.М. Свердлова населенным пунктам *Слобода-Дисна* Верхнедвинского района и *Попихово* Витебского района Витебской области присвоены названия *Луначарское* и *Свердлово* соответственно.

Фамилии известных русских ученых-естествоиспытателей К.А. Тимирязева и М.В. Ломоносова легли в основу ойконимов *Тимирязево* (Сенненский район Витебской области) и *Ломоносово* (Городокский район Витебской области).

В честь героя Отечественной войны 1812 года Я.П. Кульнева, героев Гражданской войны В.И. Чапаева и В.М. Азина населенные пункты *Церковище* Россонского района, *Красилровка* Верхнедвинского района и *Белое* Полоцкого района Витебской области переименованы в *Кульнево* (1964 г.), *Чапаевский* (1958 г.) и *Азино* (1975 г.).

Память о Герое Советского Союза Д.Д. Погодине, участнике испанской войны 1936–1939 годов и Великой Отечественной войны, увековечена в ойкониме *Погодино* Дубровенского района Витебской области (до 1945 г. *Коровино*).

Названия-посвящения в честь исторических личностей являются выразителями персонажного и духовного кодов, так как имена известных общественных деятелей, ученых присутствуют в сознании носителей языка как символы культуры и являются неотъемлемой ее составляющей.

Заключение. Таким образом, персонажный код культуры объективируется в ойконимии Белорусского Поозерья при помощи трех групп названий населенных пунктов: 1) ойконимы, сформированные на базе древних славянских имен; 2) ойконимы, сформированные на базе канонических православных и католических имен; 3) названия-посвящения. Наряду с персонажным, в отантропонимных ойконимах реализуются предметный, растительный, животный, антропоморфный, гастрономический, метеорологический, вещественный, числовой, операционный и духовный коды.

Литература

1. Культурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / под науч. ред. Г.В. Драча. – 11-е изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 576 с.
2. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
3. Беларуская міфалогія: энцыклапед. слоўн. / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч [і інш.]. – Мінск: Беларусь, 2004. – 592 с.
4. Мезенко, А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М. Мезенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24(63). – № 2. – Ч. 1. – С. 388–392.
5. Толстая, С.М. К понятию культурных кодов / С.М. Толстая. – <http://ethnolinguistica-slavica.org>.
6. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія 1: Уласныя імёны, імёны-мянушкі, імёны па бацьку, прозвішчы / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – 328 с.
7. Лемцюгова, В.П. Тапонімы распаўядаюць: навукова-папулярныя эцюды / В.П. Лемцюгова. – Мінск: Літаратура і мастацтва, 2008. – 415 с.
8. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ва ўласных імёнах: мінулае і сучаснасць: манаграфія / Г.М. Мезенка, В.М. Ляшкевіч, Г.К. Семянькова. – Віцебск: Выдавецтва УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2006. – 238 с.
9. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія 2: Прозвішчы, утвораныя ад апеліятыўнай лексікі / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1989–1991. – Т. 1–4.
11. Юрэвіч, У. Слова жывое, роднае, гаваркое... / У. Юрэвіч. – Мінск: Юнацтва, 1992. – 271 с.
12. Генкин, В.М. Ойконимы Витебщины, сформированные на базе православных и католических имен / В.М. Генкин // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica: VIII Міжнар. навук. канф. “Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства”: у 2 ч., Віцебск, 22–24 кастр. 2009 г. / Віц. дзярж. ун-т; рэдкал.: Г.М. Мезенка (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М.

Машэрава”, 2009. – Ч. 2. – С. 21–25.

Поступила в редакцию 05.10.2012 г.

Принята в печать 25.06.2012 г.